

ЛАПА В БУТЫЛКЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Дождь заливал мостовые, и потоки воды переполняли тротуарные водостоки, когда Гарри Глеб поднялся на эскалаторе станции подземки «Нью-Бонд-стрит». У выхода из метро он помедлил, с отвращением вглядываясь в набрякшее тяжелыми тучами ночное небо.

«Вот оно, мое адское везенье! — в сердцах подумал он. — Будь оно все проклято: такси тут и не пахнет! Придется топтать пешком. Старая стерва лопнет от злости, если опоздаю. — Он отдернул манжету взглянуть на золотые наручные часы. — Если эта железяка не врет, я уже опоздал».

Он помялся в нерешительности еще несколько минут, затем поднял воротник пальто и, пригнув голову под хлеставшим дождем, торопливо зашагал по мокрому, блестящему тротуару, продолжая чертыхаться сквозь зубы.

— Что ж за день такой поганый! — С полей его шляпы стекла вода, из-под ног летели брызги. — Дело с сигаретами развалилось, чертова кляча пришла четвертой, и мои сорок фунтов коту под хвост, а теперь еще этот сволочной дождь.

Верный привычке, Гарри старался держаться в тени, избегая кругов света от уличных фонарей. Прошагав половину Нью-Бонд-стрит, он заметил впереди слабый отблеск стальных пуговиц и автоматически перешел на другую сторону.

«В Вест-Энде полицейских как собак нерезаных, — подумал он, невольно ссутулив широкие плечи, словно в ожидании, что на них ляжет тяжелая рука полисмена. — Этот парень большой и сильный как бык. Слоняется без дела, глаза мозолит. В шахте от него было бы куда больше пользы».

Разминувшись с полицейским и прошагав ярдов сто, Гарри снова перешел дорогу и свернул на Мейфэр-стрит. Пройдя еще немного, он глянул через плечо, убедился, что никто его не видит, шагнул в дверь рядом с лавкой букиниста и очутился в тускло освещенном вестибюле.

Навстречу ему спускалась по каменным ступеням блондинка в кожаном пиджачке, фланелевых слаксах и с зонтиком под мышкой. При виде Гарри она остановилась, и ее напряженное, с ярким макияжем лицо оживилось.

— О, привет, милый, ко мне торопишься?

— Размечталась, — бросил Гарри. — Есть куча вещей, на которые я потрачу бабки охотней, чем на тебя. — Заметив, что она с горечью сжала губы, он добавил уже помягче: — Знаешь, Фэн, тебе б сегодня лучше взять выходной. Там льет как из ведра, на улицах ни души, кроме полицейских.

— А ты? — Женщина призывно улыбнулась.

Гарри стало жаль ее. Он был на дружеской ноге с большинством проституток Вест-Энда и знал, что времена для Фэнни наступили трудные: она становилась слишком стара, чтобы продолжать игру, а конкуренция была жестокой.

— Извини, Фэн, я сегодня занят. — Он стряхнул воду со шляпы и спросил: — Кто-нибудь уже поднимался?

— Бернстайн и вонючка Тео. Этот гаденыш предложил мне полдоллара.

Гарри спрятал ухмылку.

— Да не бери в голову. Никто не воспринимает Тео всерьез. У него поганое чувство юмора.

Глаза женщины сердито сверкнули.

— Когда-нибудь я им точно займусь. Встречала я в жизни засранцев, но от слов, которые этот крысеныш мне шепчет, просто выворачивает.

— Меня тоже воротит от его вида, — беспечно проговорил Гарри. — Ну ладно, пока, Фэн.

— Заглянул бы ко мне, когда закончишь, — вновь предложила она. — Уж я так тебя ублажу, Гарри... Правда, не пожалеешь.

Гарри едва не передернуло.

— Может, как-нибудь на днях загляну, только не сегодня. Надо отвезти Дану домой. Ну-ка, подставляй ладошки. — Он протянул пару фунтовых банкнот. — Купи себе подарок.

— Спасибо, Гарри. — Женщина охотно забрала деньги. — Хороший ты парень.

— Я в курсе. — Он повернулся и с улыбкой стал подниматься по ступеням.

«Несчастливая баба, — думал он. — Толстеет и стареет. Ублажит она меня... Брр!»

На верху лестницы он остановился перед дверью с табличкой: «Миссис Френч. Агентство по найму прислуги. Справочное».

Гарри чуть подождал, потом на цыпочках подошел к перилам и глянул вниз, в вестибюль. Блондинка стояла в дверях и смотрела на льющийся дождь. Наконец она раскрыла зонт и шагнула на улицу. Гарри покачал головой, пожал плечами и негромко постучал в дверь.

В комнате вспыхнул свет, и на матовое стекло двери пал силуэт девушки. Следом в замке повернулся ключ, и дверь открылась.

— Привет, это я! — весело поздоровался Гарри. — Как всегда, последний?

— Входи, Гарри. Тебя ждут.

— Ничего, подождут. — Он притянул к себе девушку и поцеловал. Ее губы были теплыми и податливыми. — Выглядишь замечательно. Как это тебе удастся после такой ночи?

— Ни слова о прошлой ночи, — улыбнулась она. — Голова утром просто раскалывалась.

«Холодна и прекрасна, как алмаз, — подумал он. — И так же бесценна».

— Иди, Гарри, они ждут. Ты же знаешь маму. — Дана нежно коснулась его лица тонкими пальцами.

Он обнял ее за талию.

— Чего ей нужно? Я не видел ее несколько недель, и будь я проклят, если скажу, что хочу видеть сейчас. Всякий раз, когда мы с ней встречаемся, происходит какая-нибудь гадость.

— Ой, не говори глупостей. Все, идем, и... перестань, уברי руки, пожалуйста!

Гарри усмехнулся, проходя через маленький кабинет во внутреннюю комнату, освещенную только настольной лампой: ее свет бросал яркое пятно на белый бювар, лежащий на большом письменном столе, а углы комнаты тонули в тених; было сильно накурено.

Миссис Френч сидела за столом. Сидни Бернстайн и Тео расположились напротив. Когда Гарри вошел, все посмотрели на него.

— Ты опоздал на десять минут, — резко заметила миссис Френч, тучная женщина с землистым цветом лица и живыми пронизательными глазами. Черные агатовые серьги в ее ушах посверкивали в лучах лампы.

— Я ж не нарочно, — беззаботно ответил Гарри. — Слушайте, там льет как из ведра. Такси не поймать. Еле добрел. — Он стащил с себя пальто и бросил на стул. — Привет, Сид, приятель, как дела? Чтоб я сдох! А кто это там грызет ногти в темноте — никак наш молодой Прыщавый? Как поживают твои угри и чирьи, Тео, красавчик?

— Да пошел ты! — прорычал из темноты Тео.

Гарри добродушно рассмеялся.

— Какой прелестный мальчуган! — Он оперся широкими ладонями на столешницу и с сияющим лицом обратился к миссис Френч: — Ну, вот он я. Лучше поздно, чем никогда. Какие планы?

— Мама, давайте займемся делом, — нетерпеливо проговорила Дана. — Я спать хочу.

— Присаживайся, Гарри. — Миссис Френч указала на стул рядом с собой. — Пришло время нам снова поработать вместе.

Гарри сел.

— Неужели? Ну не знаю... — Он достал пачку «Плэйерс», закурил сигарету и перебрал пачку Бернстайну. — Легавые что-то активизировались, мама. Вон как они повязали Перри прошлой ночью. Этот балбес несчастный не успел выйти из дома, как его загребли. Нынче они все на стреме. Это из-за того мазила, что подстрелил Роусона. Начни палить в копов — и по-

лучишь кучу проблем... В общем, не думаю, что сейчас подходящее время что-то затевать.

Миссис Френч нетерпеливо махнула рукой:

— Перри болван. Шастает везде и рыщет, где окошко открыто. А у нас дело верное, Гарри. Все продумано заранее. Рисковать.

Гарри проворно сцапал пачку сигарет, когда грязная рука Тео потянулась к ней.

— Не тебе! — окрысился он. — Курево себе покупай сам.

Тео выругался сквозь зубы.

— Заткнись! — рявкнула Френч. — Я говорю.

— Извини, ма, продолжай, — произнес Гарри с виноватой улыбкой. — Что ты там задумала?

— Как тебе идея наведаться к Уэсли за мехами?

Гарри остолбенел от удивления.

— Погоди-ка! Хочешь подписать меня на пять лет на нарах? Я, знаешь ли, не салага.

— Вот и я о том же, — решительно встрял Бернштейн, маленький человечек с лицом коричневым и морщинистым, как у обезьяны. Тонкие черные волоски густо покрывали тыльную сторону его ладоней, а на запястьях и из-под воротника рубашки торчали жесткими пучками. — Будь благоразумна. Незачем биться головой о кирпичную стену. Меха Уэсли! Это безумие!

— Но ты же не откажешься, если мы их тебе скинем? — Взгляд миссис Френч сделался жестким.

Бернштейн кивнул:

— Да, но заполучить их у тебя ни шанса. Не глупи.

— Ты это серьезно? — спросил Гарри. — А ты знаешь, с чем нам придется столкнуться?

— Знаю. — Миссис Френч стряхнула пепел с сигареты на пол. Плотный сжатый рот вытянулся в твердую линию. — Придется нелегко. И тем не менее реально.

— А я говорю «нет»! — Бернштейн стукнул по столу волосатым кулачком. — Четверо уже пытались. Вспомни-ка, что с ними стало. Слишком опасно.

— Он дело говорит, — сказал Гарри, скривившись. — Правда, если б удалось это провернуть, было бы здорово. А так... я даже не представляю, какие у нас шансы, ма.

— Не пори чушь, — зло проговорила она. — Ты ничего не знаешь о деле, только то, что слышал. Да, четыре неудачника пытались добраться до мехов. И ни один из них не озаботился выяснить, как открывается сейф. Ни один не попытался пошевелить мозгами, потому что шевелить было нечем.

— Ошибаешься. — Бернстайн подвинулся чуть вперед вместе со стулом. — Фрэнк вон потрудился будь здоров. Четыре месяца изучал место, но его взяли еще до того, как он успел вскрыть сейф. Что на это скажете?

— Что можно учиться на чужих ошибках. Очевидно, существует устройство, которое подает сигнал тревоги, когда до сейфа дотрагиваются. Вот это мы и должны выяснить в первую очередь.

— И как, по-твоему, мы это сделаем? — спросил Гарри.

— Миссис Уэсли требуется прислуга. Она обращалась в другие агентства, а нынче пришла ко мне. Я долго ждала такой удачи.

— И что, зашлем подсадную утку? — Гарри как будто заинтересовался. — А это идея, ма. И может, даже сработает.

— Сработает. Если удастся внедрить к ним девчонку, которая будет глядеть в оба и узнает, в чем хитрость сейфа. И если узнает, возьмешься за работу?

— Можно... — Гарри поскреб затылок. Он подумал о Перри. Буквально вчера вечером они вместе играли в снукер. А сегодня Перри уже за решеткой. Такое крупное дело, как меха Уэсли, потянет лет на пять. От этой мысли его передернуло. — Задача, похоже, не из простых, ма. Хотелось бы для начала побольше разузнать обо всем. Тео в деле?

Тео прекратил грызть ногти и подал голос:

— А то! Я ж не такое трепло, как ты.

— В один прекрасный день я раздавлю одним махом все твои прыщи вместе с физиономией, макака, — беззлобно посулил Гарри.

— Нужна девчонка, без нее ничего не получится, — сказала миссис Френч. — Есть у тебя кто на примете, Гарри?

— Девушек я знаю много. — Гарри покосился на Дану. — Зависит от того, что за девушка нужна тебе.

— Смышленная, молодая, приятной внешности, которая хочет заработать по-быстрому, — не задумываясь, протараторила миссис Френч. — О рекомендациях я позабочусь.

Гарри качнулся назад и уставился в потолок.

— Пожалуй, есть такая... — чуть погодя сказал он. — Смышленная крошка. Зовут Джули Холланд. Работает у Сэма Хьюарта в «Бридж-кафе». Сид видел ее. Как думаешь, Сид, справится?

Бернштейн пожал плечами. Его морщинистое лицо помрачнело.

— Кто ж ее знает. Эта, пожалуй, может. Только ей придется обуздать свой нрав. Характером она маленькая злобная сучка.

Гарри рассмеялся:

— Ма, Сид настроен предвзято. Он ущипнул эту девушку за попку, а она врезала ему по харе. Умора! Я чуть пуп не надорвал. Не слушай ты его. Думаю, она справится. Девушка видная и далеко не дура. Хьюарт о ней высокого мнения, а ты знаешь, каким ему приходится быть осторожным.

— В полиции о ней знают? — спросила миссис Френч.

— Ни сном ни духом. Неприятностей она избегает, но мне известно, что она бредит большими деньгами. Она мне рассказала кое-что о себе. Девушка амбициозна, и ее достало гнуть спину, чтобы едва скопить несколько фунтов в неделю. Думаю, она достаточно отчаянная, чтобы рискнуть за хорошие деньги.

— Всего мы ей рассказать не можем. Слишком рискованно. А когда сделаем дело, мы должны быть уверены, что она не проболтается. Копы наверняка заподозрят кого-то из персонала и станут на нее давить. Мы должны знать наверняка, что она не заговорит, если дело вдруг примет худой оборот.

Тео подался вперед, и свет упал на его лицо.

— Да пусть приводит свою девушку. Я прослежу, чтобы она не заговорила, — сказал он.

Тео был крепким коротышкой с длинными темными волосами, тонкими сальными прядями, закрывавшими уши и падавшими на воротник. Все его круглое, нездорово бледное лицо расцвечивали прыщи и угревая сыпь. Взгляд зеленых, близко поставленных глаз казался жестоким. На нем был светло-голубой залоснившийся саржевый костюм, мешковатый и бесфор-

менный, а шапка, на которую без слез не взглянешь, каким-то чудом держалась на затылке, напоминая дохлого пушного зверька, вытащенного из сточной канавы. Было в лице Тео что-то устрашающе злобное и враждебное, и все взглянули на него с испугом. В комнате внезапно повисло тревожное напряжение.

— Только без рукоприкладства, — быстро проговорил Бернстайн. — Я не потерплю насилия.

— Да иди ты, — бросил Тео и снова задвинулся в тень.

— Я тоже не потерплю, — резко бросил Гарри. — Уж больно ты любишь поколачивать девчонок, Прыщавый. Смотри, как бы я не навалил — по твоему мерзкому рылу.

— Прекратите! — рявкнула миссис Френч. — Нам нужна девчонка, иначе дело не выгорит. А ты — как, нравишься ей, Гарри?

Гарри усмехнулся:

— Ну, я б не сказал, что она меня прямо ненавидит. Странное дело, но девчонки и впрямь западают на меня. Только не спрашивайте почему. — Он поспешно отодвинул ногу, по которой его пнула Дана. — Само собой, за исключением присутствующих, — добавил он, подмигнув. — Но когда эта крошка смотрит на меня, взгляд у нее становится таким... чувственным. Если это что-то значит.

— Давай поработай с ней, — сказала миссис Френч. — Если правильно за нее возьмешься, болтать она не станет. Тем более если на тебя запала.

— Ты и твои чертовы бабы, — сердито проговорила Дана. — Ты когда-нибудь повзрослеешь?

— А мне в кайф таким, какой я есть. — Гарри погладил ее по руке. — Они ж ничего не значат для меня. И ты это знаешь.

— Может, вы двое уже свалите куда-нибудь и там покурлычете? А то я сейчас блевану, — глумливо прогундосил Тео.

— Я сейчас зашибу эту жирную мразь! — рассвирепел Гарри.

— В общем, займись девушкой, Гарри, — сказала миссис Френч, сердито глянув на Тео. — Без нее нам никак. Она нужна мне примерно через неделю. Упавишься?

— Э, погодите-ка. Я не говорил, что берусь за дело. Что я с этого буду иметь? И это должно быть убедительно, иначе я не согласен.

Миссис Френч ждала таких слов. Она взяла карандаш и придвинула к себе блокнот.

— Меха застрахованы на тридцать тысяч. Допустим, мы выручим за них... семнадцать? — Она вопросительно взглянула на Бернстайна.

— Нечего на меня смотреть, — резко бросил Бернстайн. — Я не скажу, сколько они стоят, пока не увижу их. В любом случае семнадцать слишком много. Скорее десять, если они так хороши, как ты говоришь. Но сперва я должен увидеть товар, а уже потом разговаривать о цене.

— А еще там есть драгоценности, — продолжила миссис Френч, пропустив мимо ушей слова Бернстайна. Она принялась что-то быстро царапать в блокноте, в то время как остальные не сводили с нее глаз. — Гарри, твоя доля выйдет не менее восьми тысяч. Может, и больше.

— Вот это разговор! — воскликнул Гарри, глаза его загорелись. — За восемь-то тысяч...

— Да вы с ума сошли! — вскричал Бернстайн, его руки взметнулись над столом, как две испуганные летучие мыши. — Как можно давать такие обещания! Вы же хотите, чтобы я забрал товар? Тогда цену назначу я. Вы не можете говорить, что товар будет стоить столько-то или столько-то. Сначала я должен его увидеть.

— Сид, если ты не в состоянии сейчас назвать сумму, это сделает кто-нибудь другой, — беззлобно проговорила миссис Френч. — Ты не единственный скупщик краденого, кто хотел бы заполучить меха Уэсли.

Тео слегка ткнул локтем Бернстайна.

— Напямишь их поверх своей жилетки и прикинешь, как оно сидит, — сказал он и заржал.

Дождь плескал в окна и пузырящимися речушками бежал по водостокам. Одинокий полисмен, закутавшись в плащ с накидкой, шагал по Мейфэр-стрит, не подозревая о том, что в нескольких ярдах от него готовится ограбление. Его не интересовали кражи. Мысли его сейчас занимала рассада капусты, которую он высадил сегодня днем. «Как же кстати, — думал он, — этот дождь».

II

Если доведется вам искать кафе, рестораны и клубы, каким-то образом маскирующиеся в джунглях из кирпича, камня и грязных окон вдоль Кинг-стрит, Фулэм-Пэлэс-роуд и Хаммерсмит-Бридж-роуд, вы найдете массу разнообразнейших заведений. И вас, вероятно, удивит, как они, такие с виду захудалые, остаются на плаву и что кому-то из многолюдных толп покупателей и праздношатающихся с Хаммерсмит-Бродвея придет в голову отправиться в такие места перекусить. Но лишь по ночам и в предрассветные часы именно эти самобытные кафе и ресторанчики просыпаются к жизни. Случись вам оказаться в этом районе после одиннадцати вечера, вы найдете эти заведения заполненными довольно зловещего вида скоплением мужчин и женщин: беседуя вполголоса над чашкой чая или кофе, они поднимают подозрительные взгляды всякий раз, когда открывалась дверь, и расслабляются, когда узнают вновь прибывшего.

Именно в такие места дезертиры военной службы, устав торчать в своих крысиных норах, заскакивают хлебнуть кофейку и оглядеться, прежде чем направиться в Вест-Энд. Именно здесь собираются мелкие шайки, чтобы обсудить последние детали будущего рейда; именно здесь ошиваются самые порочные из всего лондонского отребья — размалеванные девицы в сандалиях и ярких свитерах — перед выходом на ночную охоту.

Первым среди этих кафешек и ресторанов считалось «Бридж-кафе», которым владел Сэм Хьюарт — суровый безжалостный крепыш неопределенных лет. Кафе он приобрел по дешевке в самый пик бомбежек Лондона. Хьюарт верил, что в будущем в этом районе непременно возникнет необходимость в подобном заведении, где станут встречаться ушлые парни, обмениваться посланиями, зная, что те наверняка будут доставлены, получать информацию о том, кто в городе, а кто нет и кто дает лучшую на тот момент цену за шелковые чулки, сигареты и даже норковые шубы.

Шесть месяцев назад в кабинет Хьюарта вошла девушка и назвалась Джулией Холланд. Она сообщила, что работает не-

подалеку в двухпенсовой библиотеке и что слышала, будто в штате «Бридж-кафе» появилась вакансия.

— Я могу быть полезной вам, — тихо проговорила она. — В работе я непривередлива.

На Хьюарта она произвела впечатление. Ему понравилось, как темные распущенные волосы девушки натуральными локонами обрамляли ее довольно бледное личико. Понравились ее настороженные серые глаза, и особенно фигура, которая, как подсказало ему развращенное воображение, роскошно смотрелась бы без одежды. А еще удивило то обстоятельство, что он не заприметил эту Джули раньше. Она сказала, что работала в библиотеке, значит он должен был видеть ее. Сэм даже расстроился: должно быть, постарел. Пять лет назад такую кралю он бы не пропустил. Тогда на работе он едва ли не целыми днями думал о девушках. Они присутствовали в его мыслях осознанно и подсознательно — так, как порой смерть присутствует в мыслях пугливых тихонь. Но в последнее время его мысли уже не были так привычно заняты ими, и когда он сознавал это, расстраивался и беспокоился. «Годы, — с горечью сказал он себе, — старею...»

Стоявшая перед ним девушка разбудила в нем почти угасшее вожделение. Облегающий свитер подчеркивал ее полную грудь, и юбка была узкой и короткой. От жадного взгляда Хьюарта едва ли укрылась хоть одна линия ее тела. Яркая помада делала очертания ее рта идеальными, а губы казались такими нежными и манящими, что у Сэма перехватило дыхание.

Хьюарт был бы сильно удивлен и раздосадован, узнай он, что девушка так оделась намеренно, дабы раздражить его стареющую похоть. Ее приятель, молодой спекулянт, шепнул ей, что Хьюарт ищет толковую девицу, которая умеет держать язык за зубами. С Хьюартом, сказал он, будет все путем, если ей не жалко, чтобы ее иногда лапали.

— Он стареет, — сообщил спекулянт с цинизмом, не оставившим Джули равнодушной. — Знаешь ведь, какие они, старики. Можешь крутить им, как захочешь.

Что же до кафе... Ей не было нужды объяснять, что собой представляли кафе и рестораны в этом районе. «Бридж-кафе»

не являлось исключением, но Хьюарт платил хорошие деньги. В этом-то и дело. Деньги просто замечательные. «Он будет платить тебе шесть фунтов, а может, и больше, если дашь ему иногда щипнуть себя за ножку, а то раскрутишь старика и на все семь».

Семь фунтов в неделю! В те времена подобная сумма казалась Джули пределом ее честолюбивых устремлений. Она решила во что бы то ни стало заполучить эту работу. Что же до возможных приставаний Хьюарта — такие штучки ей не в новинку. Семь фунтов в неделю! Это ж целое состояние.

Джули было двадцать два года. Двадцать из них прошли в крайней нищете, когда приходилось выкручиваться, экономя на всем и довольствуясь буквально крохами. Ее родители были ужасающе бедны, дом — убогим и грязным, а она — вечно голодной. И всегда, сколько она себя помнила, ее не оставляло отчаянное чувство, будто она в ловушке, а жизнь бежит мимо, ускользая от нее и лишая всех чудесных вещей, которые она могла бы иметь, будь у нее деньги. Именно голод сформировал ее характер. Голод изощрил ее ум, сделав Джули хитрой и коварной. Голод и зависть, потому что зависть изводила и терзала ее, делая необщительным и замкнутым ребенком, а впоследствии — изворотливой, черствой и расчетливой молодой женщиной.

Едва Джули подросла настолько, чтобы уметь отличать имущих от неимущих, зависть всецело завладела ею. Она завидовала людям, имеющим опрятные дома, хорошую одежду и машины; завидовала слепому нищему на углу ее улицы, когда ему подавали милостыню. Завидовала детям в школе, если те были одеты лучше ее. Она постоянно кланчила у родителей еду, изводила просьбами карманных денег, одежды поприличнее — пока отец, взбешенный своей неспособностью дать девочке то, что она просит, не выпорол ее, чтобы заткнуть ей рот. Однако порка не излечила Джули от зависти. Решимость обладать хорошими вещами оставалась непреклонной, а поскольку родители не могли ее обеспечить, она стала действовать сама. Сначала приворовывала по мелочам: шоколадку у одноклассницы; булочку с прилавка в кондитерской; ленту для волос у сестры; деревянный волчок у мальчишки-соседа. И действовала настолько хи-

тро, что никто не заподозрил ее. Но чем больше она брала, тем больше хотелось еще, и однажды, желая отпраздновать свое двенадцатилетие, она обчистила ювелирный прилавок в «Вулворте». Однако на этот раз Джули имела дело не с детьми и попала.

Мировой судья проявил снисхождение. Он понимал детей и, когда прочитал отчет о жизни Джули в семье, вызвал девочку к себе. Джули была слишком напугана, чтобы запомнить все, что он тогда сказал ей, но в памяти осталась притча про обезьяну и бутылку, которую судья избрал краеугольным камнем своей проповеди.

— Ты когда-нибудь слышала, как в Бразилии ловят диких обезьян? — удивил ее вопросом мировой судья. — Позволь рассказать тебе. В бутылку кладут орех и подвешивают ее на дерево. Обезьяна засовывает лапу в бутылку, хватая орех, но вытянуть не может, так как горлышко слишком узко — лапа с добычей не проходит. Думаешь, обезьяна могла бы разжать лапу, выпустить орех и удрать, не так ли? Однако они никогда так не делают. Обезьяны настолько жадны, что не в силах расстаться с орехом и каждый раз попадают. Запомни эту историю, Джули. Жадность очень опасна. Если дашь ей волю, рано или поздно она погубит тебя.

Джули отправили домой, и больше она не воровала.

Однако, по мере того как девочка выросла, зависть к богатым лишь крепла в ней, и разум ее был одержим жадной денег. Когда во время воздушного налета погибли ее родители и она осталась одна в убогой однокомнатной квартирке, внезапная свобода от надзора открыла Джули неожиданные возможности заполучить то, о чем она давно мечтала. Теперь, когда стало можно гулять хоть ночь напролет и не возвращаться домой, она поняла: что-то в ней есть такое, что привлекает мужчин. Первое время она лишь смутно догадывалась об этой своей способности и поначалу возмущалась, когда мужчины при малейшей возможности пытались прикоснуться к ней. Раздражало, например, когда кондуктор в автобусе помогал ей сойти на остановке, когда какой-нибудь пожилой джентльмен брал ее за руку и настаивал на том, чтобы перевести ее через дорогу, или когда в темном кинозале тяжело дышащий сосед проводил рукой по

СОДЕРЖАНИЕ

ЛАПА В БУТЫЛКЕ

Перевод А. Крышана 5

НАЙДИ ЕГО, А Я РАЗБЕРУСЬ

Перевод Е. Королевой 227

ВИНОВНЫЙ ВСЕГДА БОИТСЯ

Перевод А. Крышана 451